

Омущен в Б.

1985
апр.

ДАВАЙТЕ ПОНИМАТЬ ДРУГ ДРУГА С ПОЛУСЛОВА

За сорок лет очень многое было сказано о войне в поэзии, в прозе, в музыке, в кино. Своеобразное, очень личное осмысление военной темы мы услышали в песнях Булата Окуджавы в конце 50-х — начале 60-х годов. В песнях сама интонация простая, доверительная.

Булат Окуджава перенес все тяготы войны. В 42-м году семнадцати лет добровольцем ушел на фронт. Был пехотинцем, минометчиком, пулеметчиком, радистом. Был тяжело ранен, лежал в госпиталях. И на вопросы корреспондентов, что его побудило тогда уйти на фронт, отвечал: «Была совершенно сознательная потребность участвовать в борьбе с фашизмом, защищать свою страну».

Песни о пехоте, о солдатских сапогах, о Леньке Королеве и многие другие, прозвучавшие сначала непривычно, неожиданно, вскоре были приняты большинством людей и старшего поколения, и особенно молодежью.

— За сорок лет, — говорит Булат Шалвович в беседе с нашим корреспондентом Е. Щербиновской, — много печального осталось от войны, но жизнь продолжается... И строить ее предстоит новым поколениям.

Я думаю, что нельзя сравнивать поколения, то есть, сравнивая, противопоставлять. Потому что каждое поколение — это продукт определенного времени, определенной эпохи. Нельзя становиться в позу судьи по отношению к другому поколению, каждое прекрасно по-своему и по-своему несовершенно. Мы ведь только стремимся к идеалу, это и есть наша жизнь. Иногда люди моего возраста высказывают такую точку зрения: мы вот были счастливыми, мы воевали, мы были героями войны, а вы на что тратите свое время? И хорошо, что молодежь наша растет, живет, учится и работает в

мирных условиях. Личность формируется в мирное время, а война только выявляет ее достоинства и несовершенства...

Я считаю, что германские люди, которые в самой мирной ситуации умеют чувствовать себя людьми, достойно делают свое дело, несмотря на всякие трудности, не опускают рук. Я думаю, кто умеет быть героем ежедневно, в самой обычной жизни, будет им и в самой сложной ситуации и, если потребуется, сумеет защитить свое Отечество.

— Сейчас многие молодые писатели, художники, музыканты вновь обращаются к теме войны. Как вы думаете, Булат Шалвович, чем вызвано это стремление?

— Я думаю, у них возникло желание, потребность сказать свое слово о войне. Они попытались встать на следующую ступень. Это и есть стимул творческого движения.

— А относительно авторской песни, которую породила послевоенная эпоха? В конце 50-х — начале 60-х — первые ваши песни, потом у них появились последователи, подражатели. Затем целая волна студенческой самодельной песни. Интересно, каково будущее такой песни?

— Я склонен считать, что это явление не случайно охватило такое большое количество людей. Главная задача авторской песни — это противодействие эстрадной, развлекательной. Она родилась как бы из протеста, и ей, конечно, трудно приходится. Но она очень стойко держится. И даже благотворно влияет на эстрадную песню. Я замечая на эстраде в последние 10 лет попытки писать более осмысленно, более глубоко. Более доверительной стала манера исполнения. Многие уже не пользуются шумовыми, световыми и прочими эффектами, а стараются донести смысл песни, стиха. Это положительное явление, и его во многом определила авторская песня. С другой стороны, авторская песня кое-что теряет под воздействием эстрады. Мне кажется, что Александр Дольский, который когда-то начинал как представитель авторской песни, пытался писать серьезные стихи, стал больше потрафлять слушателям, развлекать их. С другой стороны, приятно, что авторская песня получает все боль-

шее признание. Вот недавно была по телевидению передача Елены Камбуровой, и все, что она пела, были авторские песни. Я думаю, у этой песни есть будущее, потому что у нее очень много последователей. Без конца проходят конкурсы, тенденция все усиливается, и это радует.

— Булат Шалвович, а как вообще у вас в жизни происходило приобщение к музыке — в юности, в детстве?

— Мой отец и моя мама были партийными работниками. Они сами были из простых, из рабочих. И с большим почтением относились к образованию. Мой отец был музыкальным человеком, любил оперу, мама разбиралась в музыке плохо, но буквально боготворила ее. Я прослушал множество оперных спектаклей и балетов. Когда появились первые патефончики, мне купили пластинку с арией Мефистофеля в исполнении Шаляпина... Это была большая ценность тогда. Я все это знал наизусть, со всеми тонкостями и пытался петь... Вот так происходило мое приобщение к музыке. Ну, а потом я приехал в Тбилиси и жил у своей тетки. А тетя жила напротив консерватории. Сестра моя двоюродная поступила в консерваторию, и мы бывали там на студенческих вечерах, на конкурсных экзаменах, на концертах. Это был дом родной. И потом — теплая погода, окна всегда открыты, узкий переулок... В консерватории допоздна занимались вокалом, скрипкой, фортепиано... А тут еще молодой Рихтер приехал — рыжий такой, тощий. В консерватории ему дали класс, где репетировал перед концертом. В общем такая жизнь была. Это меня тоже приобщало к музыке. Я тоже пытался одним пальцем какие-то там свои стихи наигрывать и напевать... Была потребность.

— А какую роль играет музыка теперь в вашей жизни?

— Огромную, конечно. Я жалею, что не приобщен к музыкальной грамоте, но сейчас уже поздно этим заниматься. Люблю классическую музыку, у нас дома очень хороший подбор пластинок. Мы слушаем их часто, бываем на филармонических концертах.

— Кто ваш любимый композитор?

— Так трудно сказать... Я в своем развитии остановился где-то на Рахманинове. Люблю Моцарта, Гайдна, Бетховена, Шумана. Из более поздних мне интересен Прокофьев. Если говорить о легкой музыке, об эстраде — в мою жизнь вошел джаз. Раньше я любил легкомысленный, развлекательный джаз, а серьезный не понимал. А вот в последние годы Луи Армстронг стал для меня совершенно грандиозным явлением, я понял вдруг, что он поет о себе, выражает себя, и это — высокое мастерство.

— А из советской эстрады? Как вы относитесь, например, к творчеству Аллы Пугачевой?

— Пугачева — явление очень яркое, она человек одаренный, и не только как исполнительница. На мой взгляд, ей иногда изменяет вкус, или она таким образом вынуждена приспособливаться к аудитории — очень широкой и разноплановой.

— И как автор песен?

— У нее есть удачные песни, есть и слабые. Но есть настолько интересные, что о них хочется поговорить отдельно. В день моего шестидесятилетия Алла Борисовна в подарок мне спела песню, которая нас очень тронула, а две строчки особенно понравились: «Если есть гитара в доме, в нем уютно и тепло». И я написал стихи недавно, называются они «Гимн уюту», а эпиграфом взял эти две строчки Пугачевой.

Тут была любопытная история. Я несколько раз, выступая, говорил о том, что ей, на мой взгляд, иногда изменяет вкус. И на меня вдруг обрушилось такое страшное количество писем ее поклонников! Они так на меня накнулись! Недавно я с ней встретился и рассказывал об этом, она говорит — не обращайтесь ко мне!

— Сама Пугачева согласна с вашим мнением?

— В чем-то, может быть, и согласна, ведь издержки бывают у всех... Но она — человек, склонный к риску, мне это нравится, понимаете, — к творческому риску. Не всегда это венчается успехом, но это очень важное качество. Надо уметь рисковать в искусстве, стремиться к открытию. Тот, кто не способен на это, постепенно сходит на нет. А у Пугачевой это качество есть.

— Какую оценку вы можете дать исполнителям ваших песен, каково ваше отношение к ним?

— Ко всем отношусь очень хорошо. Уже одно то, что людям захотелось исполнять мои вещи, большая честь для меня. Но это не значит, что все исполнители мне нравятся. Наименее интересны те, кто старается петь слишком «под меня». Лена Камбурова интерпретирует мои песни совершенно по-своему, и многие я слушаю с удовольствием, но как будто уже не себя... Жанна Бичевская несколько вещей исполняет удачно, но некоторые слишком «украшает». Но она — мастер, у нее свое право, она со мной спорит.

— Когда у вас возникает песня, стихотворение, необходим для этого какой-то внешний толчок? Или все накапливается постепенно, внутри?

— Конечно, бывает именно внешний толчок. Но главное — это то, что накопилось внутри. Что накопилось — я еще, возможно, не знаю. Но вот появляется внешний толчок. Ну, например, мне недавно пришли в голову такие строчки:

Всяк почтальон в этом мире, что общезвестно, корреспонденцию носит и в двери стучит. Мой почтальон из другого какого-то теста — писем ко мне не приносит, а только молчит.

Появилось такое четверостишие. О чем оно, я не знаю. Стал продолжать, и вдруг понял, что я в него внес свой опыт, свое страдание, что толчком к нему послужили какие-то мои внутренние переживания. Почему весь опыт моих переживаний вылился в разговор о почтальоне, я не знаю. Пришли эти строчки, и туда попало мое страдание. Вот и все... А теперь это уже песня, и я несколько раз на концертах пел ее.

— Булат Шалвович, наш разговор, начатый с размышлений о войне, перешел в мирное русло. Это естественно. И все-таки хочется спросить — есть ли в ваших ближайших творческих планах новая работа о войне?

— Я написал небольшой рассказ к 40-летию Победы, он называется «Уроки музыки». Он обо мне, семнадцатилетнем, на фронте, сюжет я взял из собственной жизни.